Глава 23. Тот, кто знает судьбу

Под тусклым светом одинокой свечи за деревянным столиком в центре комнаты сидели два человека. Один из них – старик, нервно постукивал костяшками по столешнице, не решаясь начать разговор. Игривые тени и блики от огонька свечи вместе с молчанием создавали тяжелую атмосферу. В ней можно было легко задохнуться. Слабое дыхание старца с хрипотцой ритмично согласовывалось с глубокими вздохами девушки напротив него.

-Может быть, сначала возьмем вина? – предложила я, мягко положив свою ладонь на его беспокойную руку. Барабанная дробь прекратилась.

-Нет, - помотал он головой, - Не стоит. Мне нужно просто настроиться и понять с чего начать.

-Хорошо, - я кивнула.

Мне все было понятно. Дедушка собирался с мыслями. Я знала его чувства. Такое испытывает каждый перед началом важного разговора – разговора о личном.

-Я готов, - прошептал дедушка.

Не смея его прерывать, я молча кивала.

-Ты знаешь о демонах, что могут предсказывать будущее? – он смотрел мне прямо в глаза. Казалось, что в его взгляде читалась бесконечное знание.

-Да, - я догадывалась, что он скажет дальше, - Их называют оракулами. Они похожи на людей. Можно сказать, ничем не отличаются. Люди часто принимают их за богоподобных или святых существ, - воспоминания из занятий в академии начинали просыпаться, - Кроме того, люди могут принимать их за безумцев, но это происходит изредка.

-Это все? – спросил он во время моей паузы.

-Нет. В Аду их считают высшими демонами. Одними из редчайших видов. По своей важности они не уступают пожирателям душ, руническим кузнецам или жнецам. Оракулы – важное стратегическое оружие в войнах с людьми или в гражданских войнах между Лордами. Они могут в корне изменить ведение войны, могут даже сместить Власть. Насколько мне известно, единственные оставшиеся оракулы в Аду живут только во дворце Владыки. Их всего два: мужчина и женщина. Владыка специально держит их рядом с собой, чтобы препятствовать атакам исподтишка. Они – один из гарантов его незыблемой силы, - во время моей длинной тирады он постоянно кивал. Все эти знания – доступны только ученикам военных академий. Простые демоны не будут знать о них, так же как и более важную информацию знают выпускники академий.

-Теперь я точно знаю, что ты не обычная демонесса. Ты не просто суккуб, - протянул он скрипучим голосом, - Пусть ты и сказала лишь самую малую часть, но даже она секретна и скрывается от обычного мира. Я не буду спрашивать, откуда ты это знаешь. Наоборот, я скажу тебе еще более опасные секреты, - он закашлялся.

-С вами все в порядке? – беспокойство в моем голосе было сильным.

-Да. Просто горло пересохло, - я протянула ему глиняный кувшин с водой, - Спасибо, - он сделал парочку маленьких глотков, - Ты уже поняла, что я хочу сказать. Я – оракул.

Одно дело догадываться, но совсем другое – слышать, что твои догадки правдивы. В глубоком шоке я уставилась на него с открытым ртом. Передо мной – живая легенда. Уважение, что я испытывала к старцу увеличилось многократно. Но это дало мне еще больше вопросов. Как тот, кто стоит на вышине социального общества может упасть до обычного нищего? До того состояния, когда собственная внучка испытывает счастье, когда получает горсть сладких диких ягод? Как общество могло отвернуться от собственных «героев»?

-А Августа? – заикаясь, уточнила я.

-Она тоже. Как и ее мать, - после этих слов сильная боль исказило морщинистое лицо старца.

-Вы же великие демоны, как вы оказались на самом дне? – не сдерживаясь, крикнула я. Обида за Августу после этих слов охватила меня. Печаль за нее взяла верх внутри меня.

-Великие? – усмехнулся он, - Наш род – наше проклятие.

-О чем вы?

-Мы лишились всего как раз из-за того, кто мы есть, - истерично рассмеялся дедушка.

Я ждала, пока он успокоится. Его безудержный смех вселял страх в меня, но так же и глубокую грусть.

-Ты знаешь, почему нас мало? – вдруг прервал он свой смех, - Потому что сильные оракулы убивают сами себя!

-Что? – в шоке я смотрела на него, не понимаю, что значат его слова.

-Да! Когда-то нас было сотни. Мы были так же многочисленны, как и другие демоны! Но ты знаешь, какого это видеть свою смерть? Жить, понимая, что умрешь? Нет. Все осознают смерть! Но мы – оракулы – понимаем ее намного ближе к сердцу. Как только в оракуле просыпается его силы, он уже знает всю свою жизнь, свою смерть, кто будет его спутницей по жизни, кем будут его друзья. Ты знаешь, какого прожить всю свою жизнь в десять лет? У тебя нет никаких целей, потому что ты уже знаешь, где будет возвышение успеха, а где – пропасть поражения. Смотря на друзей, ты уже знаешь, когда они умрут, предадут ли они тебя, стоит ли им доверять, - он вновь засмеялся, - Вся жизнь теряет свой смысл, свою суть, свою цель, - его смех становился все более истеричным, - Пойми. Жизнь ценна своими бесконечными поворотами, своими приключениями. Пусть у тебя будет много проблем, но они будут означать, что ты живешь. Боль, что ты испытаешь – тоже жизнь. Смерти, что ты увидишь – это жизнь. Пустота сменяется дружбой, дружба предательством, предательство любовью – эти циклы тоже наша жизнь. Когда тебе будет плохо, ты будешь бороться, будешь стараться выкарабкаться даже из выгребной ямы, веря, что у тебя все получится. Понимая, что где-то там, вдалеке, тебя будет ждать светлое счастье. Даже если после этой ямы будет еще большая яма, ты будешь продолжать верить, что все будет хорошо. Мы всю жизнь верим во что-нибудь. Верим в свой успех, в успех своих близких, мы даже верим в свои поражения. Но что, если ты будешь знать, чем все закончится? Что, если ты будешь знать о том, что когда вылезешь из ямы, тебя будет ждать другая яма? Что ничего не изменится? Или, наоборот, все будет в порядке, когда ты останешься на месте? Что если ты будешь знать точную дату своей смерти? Все обстоятельства до самого мелкого? Что ты будешь делать тогда? Ты сломаешься.

Его истеричный смех сменился горькими всхлипами. Огромный ком подступил к моему горлу. Мне было страшно слышать его плач. Ужасно слышать плач взрослого человека, старца, что уже повидал многое за свою жизнь. Я задумалась, что лучше: вера или знание? Принятие того,

что невозможно доказать, стремление, или полное понимание? Хотя, возможно, даже вопрос мой построен неправильно. Что хуже: вера или знание? Я нервно сглотнула. Сердце бешено билось, боясь узнать дальнейшее.

-Так же и оракулы. Мы сдавались. Многие, можно сказать, что все, убивали себя. Ведь смысла жить они уже не видели. Они уже прожили свою жизнь. Продолжать жить для них – все равно, что читать в тысячный раз наизусть выученную историю. Даже, если она очень интересна, в конце концов, она надоест. Взяв книгу в руки, ты уже будешь знать каждую строчку, каждую запятую, каждый сюжетный поворот. Что ты будешь делать? Читать? Конечно, ты положишь книгу обратно, - слезы капали на стол. Старец всхлипывал. Тишина. Холодный воздух за окном. Я смотрю на застывшую сгорбленную фигуру.

-Но ведь… Вы же этого не сделали… - дрожащим голосом нарушила я ледяное пространство комнаты. Казалось, что даже игривый огонек свечи вот-вот потушиться от давящего пробирающего до костей воздуха.

-Я не сделал, - прерываясь на паузы, начал он, - Мне повезло. Я очень слаб. Для меня слабость стала благословением. Мои способности настолько незначительны, что я могу лишь предсказать, будет ли иметь благоприятные последствия те или иные действия для меня, или стоит ли мне поступить так, чтобы все хорошо кончилось. Надо сказать, что оракулы во дворце Владыки обладают примерно такими же способностями, как и я, - на последних словах его голос дрогнул, - Но вот мать Августы была не такая… Она была намного сильнее меня, но слабее чем оракулы прошлого. Она лишь изредка могла видеть четкое будущее, полный результат. От нее это не зависело. Это было что-то вроде редких вещих снов, - он пытался успокоиться, вытирая рукавом холщевой рубахи слезы.

-Мать Августы, с ней все в порядке? – я догадывалась, что нет, но какое-то странное чувство подталкивало меня спросить это. Надежда. Маленький ее лучик.

-Нет, - он вновь смотрел мне в глаза, - Ее сила стала ее роком.

***

Она была очень хорошим демоном. Я помню ее совсем маленькой. Мне пришлось растить ее одному. Моя жена погибла при родах. Она стала для меня единственным членом семьи. И самой дорогой ценностью в жизни. День, когда она разбудила свои силы оракула, стал поистине ужасным для меня. Единственное, что она тогда сказала: «Папа, я знаю, как умру. Я умру, когда влюблюсь».

Изначально мы жили в маленькой деревушке. Но после того как я узнал, что ее силы превосходят мои, мы исчезли из дома. Я надеялся, чтобы она никогда не влюбилась. Мне потребовались месяцы, чтобы построить маленький дом глубоко в лесу. Мы жили там долгие годы. Она боялась засыпать. Боялась, что вновь увидит свое или мое будущее. Я же верил, что проживу с ней всю жизнь, обезопасив от всех ненастий, чтобы она спокойно жила, ничего не боясь. Каждый вечер я убаюкивал ее, чтобы она уснула. Но сколько бы мы ни старались бежать от судьбы, злой рок настигнет нас.

Одним ранним утром она собиралась в лес собирать грибы с ягодами. Мое предчувствие говорило мне, что все закончится плохо. Я пытался ее остановить. Пытался вразумить. Но она не слушалась.

-«Отец, я знаю, что влюблюсь сегодня», - сказала она мне в тот раз, - «Но я ни о чем не буду жалеть», - ее улыбка сияла тогда, словно солнце перед закатом.

Вечером она вернулась с раненым путником. На него напали дикие звери. Он смог с ними расправиться, но и сам был серьезно ранен. Истекая кровью, он лежал на лесной поляне. В таком состоянии его и нашла моя дочь. Из своей доброты она решила помочь ему. Красивый, сильный, добрый – этого было достаточно, чтобы невинное девичье сердце растаяло. Каждый день она заботилась о нем, пока тот не выздоровел. Но он решил остаться с нами на время. Я ничем не мог помешать. Она увлеклась им. Каждый день они проводили время вместе. Он рассказывал ей истории о своих похождениях, о том, какие приключения удалось пережить. Я помню, как одним из вечеров мое предчувствие будто взорвалось.

-«Остановись, молю, хватит!» - просил я ее тогда. Она молча мотала головой. Я видел вину в ее глазах.

-«Я люблю его», - только одно предложение вывело меня из себя. Я проклинал это чувство.

Я пытался поговорить с тем демоном, просил его уйти, но он отказался. Тогда мне стало ясно, что, чтобы я ни делал, судьба найдет дорогу. Я отчаялся. В истерике и панике, не желая видеть того, как дочь сама идет к смерти, я бежал в лес. Бежал от своих страхов. Бежал от судьбы. Я охотился и собирал еду. Надеялся, что занятость успокоит меня. Но то была фатальная ошибка или, возможно, безмерное счастье.

В ту ночь демон совратил мою дочь. Оставшись наедине в пустом доме, эмоции и страсть взяли верх. Она отдалась своему возлюбленному душой и телом. В ту ночь страсти парень спросил, каким демонов является моя дочь. Не желая скрывать от возлюбленного какие-либо секреты, она открылась ему, рассказала, о том, что является оракулом. Но она открылась волку в овечьей шкуре. Заполучив девственность моей дочери, демон сбежал на следующее утро, пока она мирно спала. Вернувшись домой, я нашел лишь заплаканную девушку, что тут же бросилась ко мне на шею.

Дни вновь вернулись на круги своя. Я так думал. Оказалось, что моя дочь была беременна. Я был счастлив. Я верил, что кризис был преодолен, что моя дочь будет жить. Я даже спросил об этом у нее, не видела ли она будущего. Она с улыбкой молчала. Я принял ее молчание лучшим для себя ответом. Через некоторое время была рождена Августа.

Моя дочь в ней души не чаяла. Всегда заботилась о ней, так же как и я. Она старалась делать для нее все то же самое, что я делал для дочери. Мы говорим голосами детей. Наши действия – их будущее. Они берут с нас пример, они становятся нами, заменяют, становятся лучше, исправляя ошибки. В такой мирной манере прошли четыре года. Мы уже и забыли про отца Августы.

Он вернулся. Вернулся уже не обдерганным мальчишкой, а капитаном в армии Лорда. Он продал Лорду информацию о нас за свой статус. Он вернулся к своей любовнице, чтобы продать ее. Но она была счастлива. Словно это было вчера, я помню, как она радостная побежала к нему навстречу. Как она повисла у него на шее, рыдая. Как она счастливая показывала ему дочь. Все мои чувства твердили, что это плохо кончится. Ночью я явился к ним в спальню. Я пытался прогнать его, но она мешала. С мечом в руках я пытался на него напасть, но она стеной встала перед ним. Я помню его смех. Как он демонстративно приобнял мою собственную дочь за талию и прижал к себе. При мне он начал раздевать ее, покрывая поцелуями. Я ушел из комнаты. Августу, что спала всегда с матерью, он так же прогнал со мной. В отчаянии я обнимал свою внучку, прижимая ее к себе. Она казалась мне самым теплым, что могло существовать в ту ночь. Невинно она смотрела на меня, не понимая, почему я плачу.

Вскоре прибыл его отряд. Я видел грусть в глазах своей дочери. Я понимал, что она уже знает, чем все закончится. В ту ночь они всем отрядом заперлись в комнате с ней. Я был вне себя от ярости. Я слышал все, что творилось за дверью. Как зверь я долбился в холодное дерево. Топором я выбил дверь. Предо мной предстало ужасное зрелище: толпа голых тел вокруг дочери. Она плакала, пока эти сволочи весело смеялись и наслаждались ее телом. В ярости я ринулся на них, размахивая топором. Они даже ничего не предприняли. Они тренированные бойцы. Против немощного старика им даже ничего делать не пришлось. Я был избит до полусмерти. Досталось и дочери, что пыталась меня защитить. Валяясь в собственной крови в углу комнаты, я видел, как ее избивали и насиловали. В дверном проеме стояла Августа. Она смотрела на свою мать.

Следующим днем был доставлен гонцом приказ от Лорда о том, чтобы доставить нас к нему во дворец. Дочь на коленях упрашивала оставить в покое Августу и меня. Она молила их. Говорила, что моя сила абсолютно ничего не стоит, а Августа не была оракулом. Она обещала сама удовлетворять их во время поездки, не сопротивляясь. Нас выбросили как мусор. Сожгли дом и оставили гнить в лесу.

Я мог бы наложить на себя руки, уйти в лес, но понимал, что должен сделать что-то ради Августы. Она плакала. Пыталась бежать за уезжающей матерью. На подкашивающихся ногах я пытался ее догнать. Но она ведь молодая, быстрая, поэтому вскоре скрылась с моих глаз. Ноги перестали слушаться, и мое лицо оказалось в грязи. Помню, как полз в сторону, где исчезла Августа. Силы окончательно покинули меня. Я неподвижно валялся в лужи, пока маленькая ручка не потянула за мою ладонь.

-«Деда, вставай!» - слезы текли из глаз моей внучки, но она старалась улыбаться мне, подбадривать.

На подгибающихся ногах я встал, крепко обнимая ее. Она плакала в моих объятиях. Я же не мог позволить себе такой роскоши.

-«Деда, я хочу к маме», - шептала она мне на ушко.

-«Все хорошо. Пойдем, я отведу тебя к маме», - тихо успокаивал я ее.

Хромая, я направился туда, куда увезли мою дочь, держа за руку Августу. Я хотел упасть. Ноги болели, не слушали меня. Все тело дрожало от боли. Каждый сустав и мышцу ломило, но я не мог позволить себе упасть. Скрипя зубами, я вел внучку к матери. Сжимая ладони в кулак, я шел к своей дочери.

Мы питались подножным кормом, пока шли в столицу Лорда. Мое предчувствие говорило, что все будет плохо, что бы я ни сделал. Но из упрямости я стремился к своей дочке. Каким бы я был отцом, если бы бросил ее на произвол судьбы? Каким бы я был дедушкой, если бы не позволил внучке увидеться с матерью?

Через несколько дней мы добрались до столицы. На главной площади был установлен постамент. Палач демонстративно точил свой топор. Из сплетен я узнал о шарлатанке, рассердившей Лорда. Моя дочь предсказала ему скорую погибель. На вопросы о том, как же ее избежать, она просто отвечала – никак. Судьба найдет нас там, где мы не ждем. Сколько бы мы ни скрывались. Рассерженный Лорд приказал казнить ее прилюдно.

Стоя в толпе и крепко прижимая к себе Августу, я видел, как мою дочь вывели на этот постамент. Она вся была в кровоподтеках. Буду помнить я тысячи дней, как ее воспаленные глаза гордо и упрямо смотрели в синее небо. Застилала глаза ночь кромешная, когда я видел,

как ее голову кладут на плаху. Слез не было. Я прижимал Августу к себе, не давая увидеть происходящее. Единственное, что я дал ей увидеть, так это то, как ее мать стоит на постаменте.

Перед тем как палач занес свой топор, моя дочь крикнула:

-Августа! Отец! – ее яростный крик заглушил ропот и гул толпы. Все замолчали. Только лишь мой голос разнесся по всем закоулкам.

-Дочка-а-а! – надорвав голос, кричал я.

После этого гулкий глухой звук раздался по площади. Раздался еще один приглушенный стук, как будто что-то тяжелое и твердое ударилось о дерево. В тумане слез я схватил рыдающую Августу и побежал. Благодаря своей силе я выбирал самый безопасный для нас путь. Где для нас было бы благоприятно бежать. Так я сбежал из города. Лорд назначил за нас награду. Тот парень был казнен. Он сказал Лорду, что убил нас, так как мы были слишком слабыми оракулами. Но Лорд знал о том, что именно такие оракулы, как я, были у Владыки. Те земли стали для нас непригодными, поэтому я решил бежать в другие. Я бежал по пути, что мне подсказывала моя сила. Шел там, где наиболее благоприятно. Я узнал, что Лорда этих земель ни разу не видели, но при этом простолюдины живут здесь наиболее хорошо. Даже мои предсказания говорили о том, что побег в эти земли – наилучший путь. Кроме того, именно благодаря своим силам я встретил тебя на берегу реки. Чувства говорили, что там должно произойти что-то хорошее. И вот. Мы встретили тебя. Ты смогла осчастливить Августу. При тебе она перестала бояться спать, перестала рыдать посреди ночи, вспоминая свою мать. Теперь она постоянно говорит только про тебя. Ты смогла заполнить образовавшуюся пустоту в сердце моей внучки. Я очень благодарен тебе. Ты спасла ее слабую душу от безысходности. Я не знал, что делать. Не знал, как мне сделать ее счастливой. Но даже сейчас мои чувства говорят, что оставаться с тобой – наилучший вариант. Спасибо тебе.

***

Я молчала, откинувшись на спинку деревянного стула. Блестящие капельки падали на мою одежду. Я вспоминала свою мать. Как же она была счастлива, когда знала, что смогла спасти свою дочь. И я понимала, как себя чувствует старик напротив меня. Он не смог сделать ничего для своей дочери. Судьба? Если судьбу нельзя изменить, то ее знание – самое худшее, что может произойти с человеком. У людей должна оставаться иллюзия того, что все можно изменить. Эта иллюзия и есть надежда, вера. Плача, я смотрела на печально улыбающегося старца.

-Родители не должны хоронить своих детей, - прошептала я ему.

http://tl.rulate.ru/book/4531/90938